

Дмитрий ВОРОНИН

Калининградская область

На городской свалке Ильич появился поздней осенью. Высокий сутулый старик в темно-коричневом драповом пальто, шапке-ушанке и в ботинках на толстой подошве медленно брел среди зловонных завалов, шуруруя перед собой сучковатой надтреснутой палкой.

— Чего ищешь, дед? — обнажил в приветливой улыбке полубеззубый рот низкорослый мужичок в истрепанной грязной фуфайке. — Скажи, может, чего присоветую.

— Так это... Вот, — засмутился, остановившись, старик, — бутылки пустые ишу.

— Бутылки? — нахмурился мужичок, подозрительно оглядывая новоявленного конкурента. — А чего это тебя на свалку занесло, в городе, что ли, бутылок уже не осталось?

— Не могу я в городе, — нервно сжал свой посох старик.

— Стесняешься... — понимающе усмехнулся бомж. — Звать-то тебя как?

— Степан Ильич.

— Ильич, значит... Ну а меня Витьком когда-то нарекли, а тут все Солнышком кличут, — протянул грязную ладонь Ильичу мужичок.

Старик с опаской подал навстречу свою дрожащую руку.

— Ты вот что, дед... Ты это, держись возле меня, тогда и при таре будешь, и не тронет никто, —

снисходительно ощерился Витёк. — Тут у нас конкуренция еще та, чужих особо не жалуют и побить могут запросто.

— Побить? — удивленно посмотрел на бомжа старик. — За что?

— А то, — захихикал, радуясь удивлению Ильича, Витёк, — за дело. Я ж говорю, у нас новеньких не любят, лишний рот — лишние заботы. Вот ты, к примеру, явился сюда и думаешь, будто тут эти бутылки на каждом шагу разбросаны. А сколько в твоей сумке их, ответь?

— Одну пока нашел только.

— Правильно, одну, — согласно кивнул Витёк, — ну, может, еще одну найдешь или две — и всё.

— Как — всё?

— А то, — вновь засмеялся Солнышко, глядя на растерявшегося Ильича. — Ты, верно, думал, что здесь бутылки только для тебя одного и валяются, так ведь?

— Ну, не знаю...

— Ага, так, — довольно вскинул голову Витёк. — А тут нет ничего, ищи не ищи.

— Что, вообще?

— Ну, если ты экскаватор, то найдешь.

— Так их чего, не привозят сюда? — вконец расстроился Ильич.

— Привозят.

— Чего ж ты мне тогда голову морочишь?

— Так когда их привозят, таким, как ты,azole них места нет, — открыто радовался стариковскому раздражению Витёк.

— Это почему? — покраснел от злости Ильич, чувствуя откровенную издевку.

— Я ж говорил, у нас чужих не любят, побьют.

— Мне чего, назад уходить, ты на это намекаешь?

— Да нет, дед, ты мне понравился, — ободряюще хлопнул Ильича по плечу Солнышко. — А со мной тебя не тронут. Пошли.

— Куда?

— Познакомлю тебя со своей бригадой.

Умело лавируя между кучами гниющего мусора, Солнышко вывел старика на небольшую ровную площадку посреди свалки. Площадка была наполнена фанерными ящиками, картонными коробками, какими-то уродливыми строениями, напоминающими то ли огромные собачьи будки, то ли дровяники, то ли складские сарайчики. Возле этих построек, местами обтянутых полуистлевшим брезентом, копошились люди, одетые в грязное рванье.

— Кого еще притащил? — выкатилось навстречу Солнышку бесформенное толстое существо непонятного пола в рваном солдатском бушлате. — Чего ему тут надо?

— Не заводись, Софочка, не заводись, красавица, — раскинул руки Витёк, загораживая собой Ильича от неласковой бабы. — Хорошего вот мужика встретил, подумал, тебе жених знатный, ну и привел познакомиться. А ты сразу кидаться, как пантера какая. Что о тебе интеллигентный человек подумает, а? Подумает, кавой-то мне Солнышко подсунуть хочет, обещал красу ненаглядную, а на самом-то деле — гарпия натуральная.

— Балабол дурной, чтоб тебя!.. — под общий смех растянула в улыбке гнилой рот Софочка. — Тоже мне, нашел жениха, пенька старого, — и, махнув рукой, миролюбиво обратилась к Ильичу: — Что, дед, из дома выгнали?

— Выгнали, выгнали, — опередил старика Витёк, не давая тому опомниться. — По себе знаешь, какие нынче детки пошли, не тебя одну на улицу выкинули, вот и Ильича тоже.

— Из-за квартиры?

— Из-за нее, из-за чего ж еще, — продолжал отвечать за деда Солнышко.

— И идти больше не к кому?

— А то б он сюда пришел!..

— Слушай, Солнышко, — нахмурилась Софа, — чего ты за деда распинаешься, пусть сам говорит, или он немой?

— А ты себя вспомни, тебя, когда из квартиры вышвырнули, много ль слов у тебя было?

— И то верно, — вытащила из кармана бушлата «Приму» Софа, — я тогда с месяц как пришибленная была, всё молчала. Никак до меня не доходило, кто что балакает, про чего спрашивают. Хорошо, сюда добрые люди привели, так тут только и отошла. Счас уж и не вернулась бы назад, что б ни сулили.

— Да... — философски протянул Витёк. — Жизнь — она, конечно, не подарок. Вот так живешь-живешь, вроде чего-то добился, вроде и хорошо тебе, как вдруг бах! — и в один момент всё кувырком, всё с ног на голову, будто снег среди жаркого лета.

— Сложно оно всё, это ясно, видать, на роду у людей так написано, — подтвердила значительную мысль Софа и повернулась к Ильичу. — А ты, дед, в Бога веришь?

Ильич вздрогнул от неожиданного вопроса, хотел было уже ответить, но Солнышко вновь оказался проворнее.

— Верит, Софочка, верит.

— Это хорошо, — довольно закивала Софочка, отходя от мужчин, — без веры сейчас нельзя, а то так и свихнуться можно.

— Что это ты тут про меня такого наплел, — нахмурился на Витёка Ильич, — и бездомный я, и верующий?

— А чё, надо было похвастать, что у тебя особенняк в трех уровнях и ты помощник Жириновского, а бутылки сюда так пришел собирать, для коллекции? — с издевкой прищурился Солнышко.

— Вообще-то, дома у меня и впрямь нет, — виновато сник старик, присев на грязный продавленный диван, стоящий возле покосившейся постройки.

— Ясно дело, — согласно кивнул мужичок, восприняв заявление Ильича как само собой разумеющийся факт.

— Вот только сын меня из него не выгонял, — продолжил начатое откровение Ильич, — сын меня попросту забыл. Как вышел лет двадцать в большие начальники, так и забыл, и меня, и мать — жену мою. Жена-то померла два года назад, так он и на похороны не явился, хоть и со-

общали. У нас трехкомнатная квартира была. Пока с женой пенсию получали, хватало за квартиру платить, а как жены не стало, — задолжал я. Вот и решил трехкомнатную продать, а себе однокомнатную купить. Черт меня дернул по объявлению, через посредника делать, хотел побольше денег получить, а в итоге оказался на улице без гроша, и не докажешь ничего.

Солнышко открыл было рот, но Ильич предупредил его.

— И не спрашивай, что и как, даже вспоминать не хочу. Жив остался — и то слава богу. Лето мыкался по знакомым да так где придется.

— А к сыну? — встрял всё-таки Витёк.

— Нет его у меня, — зло вскинул голову старик, — помер он вместе с женой.

— Как — помер? — удивился мужичок.

— Для меня он мертв, раз даже мать свою схоронить не сподобился, — ударил как обрубил по разбитому дивану Ильич. — И всё, хватит об этом.

— Ну, а в милицию, собес?

— Где только не был, — с досадой отмахнулся Ильич. — Документы мои вместе с квартирой накрылись, а без них я кто? Никто! Тля я без бумажек этих...

— Это точно, — понимающе подтвердил Солнышко, — по себе знаю. У наших, что тут живут, почти у всех так. И что ты дальше думаешь?

— Не знаю, схохну, наверное, в эту зиму.

— Ты вот что, оставайся у нас. Тут и с голоду не умрешь, и выпить всегда найдется, да и крыша над головой какая-никакая.

Так Ильич и прижился на свалке. С утра на промысел — то бутылки собирать, мыть, сдавать, то продукты выброшенные сортировать, продавать, то металл, то запчасти. Да мало ли чего на свалку выкинут. Зимой Ильич с Витьком худо-бедно прокантовались, а по весне, когда уже теплом запахло, простудился Ильич на сквозняке, в горячке промучился недели две и помер однажды под утро.

— Отстрадался, сердечный, — посочувствовала Ильичу Софочка и повернулась к Солнышку. — Что делать со стариком-то будем? Сообщить в милицию от греха подальше, пожалуй, надо бы. Может, родственники какие объявятся. У него документы-то есть? Посмотрел бы по карманам...

— Да нет у него ничего, слямили документы.

И родственников нет, сын только. Так он даже мать не схоронил, а Ильича и подавно не будет.

— А ты всё ж проверь, может, какая бумага и завалялась.

Солнышко нехотя стал проверять карманы стариковской одежды. Проверил пальто, принялся за пиджак и вдруг за подкладкой, напротив сердца, нашупал какой-то сверточек. Витёк суетливо надорвал подклад, отцепил от булавок мешочек, прикрепленный к пиджаку, и, вспоров его, вывалил содержимое на фанерный ящик.

— Ни черта себе! — раскрыла в изумлении гнилой рот Софочка! — Вот это да!

На ящике поблескивала кучка орденов и медалей времен Отечественной войны. Солнышко дрожащими руками замороженно принялся сортировать Ильичевские награды.

— Орден Славы, два ордена Красной Звезды, орден Ленина, Отечественной двух степеней, медаль «За отвагу»...

— Целый иконостас, — пораженно прошептала Софочка.

— Зови мужиков, — в волнении прохрипел толстухе Витёк, — да побыстрее!

Через несколько минут все обитатели «жилой площадки» собрались возле Солнышкиного сарайчика.

— А Ильич-то геройский мужик был, — уважительно перешептывались они. — Это ж надо столько наград заслужить!

— Да-а... Кем же он на фронте был?

— Кем бы ни был, но то, что герой из героев, это точно.

— Что делать-то будем? Надо бы властям сообщить, такого человека с почестями хоронить полагается.

— А может, продадим ордена? Они ведь бабок бо-о-льших стоят!

— Я вам продам, я вам сообщу! — возмущенно задохнулся Солнышко. — Я, итить вашу, любого замочу, кто хоть вякнет кому, что мы тут сейчас увидели.

— А ты что предлагаешь? — с интересом уставились на Витьку бомжи.

— А вот что, — закурил сигарету мужичок. — Не будем мы ничего никому сообщать. Если такой человек при жизни этим властям не нужен оказался, то после смерти и подавно им он ни к чему. Сунут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут.

— Это точно, — закивали мужики.
 — Мы его сами похороним, — затушил сигарету Солнышко.
 — Где, на свалке, что ли? — хихикнул кто-то.
 — Нет, не на свалке, — ожег всех взглядом Витёк. — В роще за свалкой. Пусть у нас будет своя могила героя, свой неизвестный солдат.
 — Правильно, Солнышко, — заплакала вдруг Софа. — Ильич — душевный старик был, да еще и герой, уж я-то за его могилой каждый день присматривать стану.
 — А награды куда денем?
 — А награды вместе с ним схороним, — строго ответил Витёк.
 — Верно, Солнышко, правильно, — одобрительно раздавалось со всех сторон.
 — И кто на ордена, не дай бог, позарится — тому не жить. Понятно? — пылал глазами Витёк.
 — За кого ты нас держишь?
 — На куски искромсаю, кто могилу Ильича тронет.
 — Солнышко, с этим понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнаружат ее — надругаться могут.
 — Я это уже продумал, — согласно кивнул Витёк. — Мы не станем делать настоящую мо-

гилу — холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните — там, в роще, на полянке?

— Ну.
 — Похороним и кострище на том месте разведем, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомек, а мы приходите будем, поминать. Костер разведем — и Ильичу тепло, и нам благодно.
 — Молодец, Солнышко, всё верно, — согласились бомжи.

Весь день население «жилой площадки» с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок от ящиков, обтянули его черным материалом, завалившимся у одного из обитателей свалки. Софа Ильича обмыла, передела в чистое белье из своих запасов, Солнышко укрепил на груди героя награды, и вечером, когда стемнело, траурная процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землей, тщательно притоптали и тут же на скорбном месте развели костер.

— За Ильича, — поднял кружку с суррогатом Солнышко. — Пусть земля ему будет пухом, — выпил он содержимое до дна.

— За героя! — застучали друг о друга остальные кружки...

На центральном продовольственном рынке всегда толпа, а в колбасном павильоне — тем более. Бедные продавцы и не отдыхают почти. Народ, как на конвейере, идет — практически безостановочно. Кто покупает, кто приценивается, кто просто запахами надышаться приходит. Люди бывают разные. Одни — спокойные и вежливые, другие — истеричные и дерганые, третьи — наглые и хамоватые, четвертые — капризные, с вечным недовольством и претензиями. Трудно продавцам целый день с таким контингентом, да и они сами — люди разные,

сборная солянка, и в их рядах не все терпеливо улыбаются, и у них мата и хамства предостаточно, а частенько — даже и с избытком.

Трубина Татьяна за своим прилавком почти два года уже простояла, разных людей навиделась, всякого наслушалась, за это время опыта торгового с лихвой набралась. Когда надо — улыбалась, когда надо — заискивала, когда — грубила, а порой и матерком отборным посылала. И кто еще лет двадцать назад мог предположить, что красавица Танюшка, одна из «продвинутых» выпускниц университета, встанет за прилавок с сосисками и салом. Но жизнь распорядится по-своему, и Татьяну она прокрутила по полной.

Попав в одну из азиатских республик на работу в местный университет, Татьяна и думать не думала, какой удар нанесет ей судьба. В страшные девяностые Трубина потеряла все: работу, мужа, который спился из-за не востребоваемости и где-то сгинул на бескрайних степных просторах, квартиру, что отобрали местные аборигены, и чуть было не лишилась двух своих дочерей, если бы вовремя не сбежала из «дружественной» страны. Сбежала же Татьяна не куда-нибудь в чистое поле, а на свою родную российскую землю, в свой родной любимый город, в котором прошли детство и отрочество, в котором вышла замуж за любимого человека. Вернулась она в свой город, но лучше бы и не возвращалась. Принял он ее как падчерицу — враждебно и с недоверием. Татьянины родители к тому времени уже умерли, их квартиру давно отдали другим людям, вот и пришлось Татьяне снимать комнату в коммуналке почти без удобств на окраине города. Шансов купить собственное жилье не было никаких, уйма денег уходила на оплату всевозможных справок и разрешений, требующихся в невероятных количествах коренной «негражданке» для проживания. Часть денег шла на обустройство дочек-близняшек сначала в школе, потом в институте, часть — на еду, еще часть — на одежду. Сама Таня в поисках работы сначала мыкалась по бюджетным организациям, потом пыталась заняться бизнесом, но юридически беззащитную «негражданку»

постоянно обманывали. В конце концов, пересилив себя, Татьяна по великому благу устроилась на рынок продавцом в колбасный отдел. Эта работа давала ей возможность хоть как-то сводить концы с концами. Только жесткая экономия, только самое-самое необходимое...

— Мне вон той сырокопченой колбаски завесьте пару кружочков, — ткнула в витрину толстым мизинцем, украшенным массивным золотым кольцом, полная дама в норковой шубе. — Нет, не этот, вон тот, рядом, вот-вот! И окорочок вон тот достаньте. Ага, ага! И эту грудиночку, кусочка четыре. Нет, не эту. Эта больно несвежая. Вон ту, посвежее, вот-вот. Ах, хороша! — причмокнула дама ярко накрашенными губами, обнюхав поданный кусок.

Было такое ощущение, что она сейчас же вцепится в грудинку зубами и начнет жадно ее поедать. Но дама, сглотнув слюну, продолжала выбирать.

— А теперь вон той ветчинки с килограммчик-полтора. И вон тех охотничьих колбасок тоже так же. А еще рулетика килограммчик. Ага-ага. Ничего не забыла? — кокетливо поправила свою прическу покупательница. — А, вспомнила, мне сосисочек, кило так два-три. Докторских. Вон тех, ага-ага, для собачки, мосюлечки моей. Ну, и грудки куриной, вон той. Ага.

— Сколько с меня? — дама полезла в сумочку за кошельком и наконец-то подняла голову на продавца. Лицо у нее удивленно вытянулось. — Ба, Танюха, ты ли это? — радостно вскрикнула толстуха. — Вот это встреча, вот это сюрприз!

Татьяна недоуменно уставилась на незнакомку:

— Простите?

— Не узнаешь, что ли? Это же я, Алка Сорокина.

— Алка? Сорокина?

— Ну да! Что, изменилась? Похорошела? — крутанулась возле прилавка бывшая Татьяна подруга.

— Это точно, и не узнать тебя, какой стала, — с любопытством разглядывала покупательницу Татьяна, поражаясь, в кого превратилась ее

бывшая подруга, некогда худенькая, миниатюрная девчонка.

— Да вот такой вот стала! — подбоченилась Алка, выставя напоказ свою норковую шубку. — Нравлюсь?

— Богато, — вздохнула Татьяна.

— Разве это богато? — тут же отмахнулась Алка. — Чуть выше бедного.

«Ничего себе беднота — вся в золоте и мехах», — подумала Татьяна

— Слушай, Танька, а как у тебя дела? Небось, уже и домик свой у моря, и «мерс» крутой, а? Ты же у нас самая умная была, — громыхал по павильону голос Сорокиной.

Татьянины товарки с изумлением поглядывали на толстуху, понесшую какой-то бред про «мерседесы». Какие могут быть «мерседесы» у продавца колбасы!

— А муж, наверное, уже академик, а, Танюх? — продолжала тараторить Алка. — Небось по заграницам мотаетесь, на Мальдивах отдыхаете?

— Ал, ты так шутишь? — зло прищурилась Татьяна. — Я что, похожа на миллионершу? Они что, все колбасой за прилавком торгуют?

— Ну, извини, — чуть убавила голос бывшая подруга, — не подумала. Да и кому сейчас хорошо. Я вот тоже концы с концами еле свожу. Денег катастрофически не хватает ни на что.

— Да ладно, — саркастически покосилась на Алкины кольца Татьяна.

А та продолжала, ничуть не смутившись:

— Точно тебе говорю — денег нет. У мужа бизнес завис, он у меня недвижимостью занимается, строительством, а там сейчас какие-то терки с конкурентами, никак не договорятся по застройкам. Из-за этого уже месяц на голодном пайке, даже поесть толком нечего, — начала вполголоса жаловаться на жизнь Сорокина

— Верись, нет — у нас трехэтажный особняк на взморье, квартира двести квадратов в центре, везде ремонт, и все встало. Бедлам, как у бомжей, жить негде, хоть в гостиницу съезжай.

Татьяна удивленно смотрела на Алку, а та продолжала:

— Купила недавно «Лексус» себе, у мужа —

«шестисотый», так на горючку не хватает, вот сегодня до рынка еле доехала.

— Сочувствую, — иронично произнесла Татьяна.

— Не ты одна, — тяжело вздохнула Алка. — Сегодня домработницу рассчитывала, так она мне тоже посочувствовала, пожалела, мол, как я с таким хозяйством справлюсь. А что делать, коль с финансами — проблема? Правда, мой обещал этот вопрос в течение месяца разрулить, но ведь этот месяц еще прожить надо. А на мне теперь все — и дом, и еда, да и сыну помогать надо.

— А он у тебя где? Большой, наверное, уже? — поинтересовалась Татьяна.

— Большой, да дурной, — пренебрежительно отмахнулась Сорокина. — Уже девятнадцать, а ума не было и не будет. Мы его отправили в Англию, в Лондон, на юриста учиться, чтоб в отцовской фирме работал потом, а он учится через пень-колоду, только денег требует.

— Учеба-то платная, наверное, дорогая? — спросила Татьяна.

— Ну, конечно, — возмущенно повысила голос Алка. — Дерут как липку, в три шкуры. Несколько десятков тысяч евро за семестр, плюс на мелкие расходы тысяч пять за месяц. Просто грабеж какой-то. Мы что, печатаем эти еврики? В общем, подруга, дела мои плохи как никогда. Да и сама посуди, — стала загибать пальцы толстуха, — дом и квартира — раз, сын-оболтус — два, обслуга — три.

— А у вас что, кроме домработницы, еще кто-то есть? — не переставала удивляться Татьяна.

— А то! — гордо вскинула подбородок Алка. — Садовник — раз, охранник — два, второй охранник — три, два водителя, один мой, другой — Вовкин. Ну там приходящий повар, еще разнорабочий. И все дармоеды, все как один, только и слышишь: денег добавьте, денег добавьте, а делать, как полагается, ничего не делают. Уволила бы всех, да где новых взять, еще хуже придут. Народ у нас ленивый, сама знаешь, так уж лучше пусть эти работают.

— Ал, а ты сама-то где работаешь? — осторожно поинтересовалась Татьяна.

— Ой, Тань, не поверишь, целыми днями как белка в колесе. Не помню, когда послед-

ний раз на концерты выходила. Нет, вру, в конце прошлого месяца удалось на Бюрю Моисеева попасть. Ну, это, я тебе скажу, суперкласс. Сходи, если будет возможность, непременно! — В глазах у Алки загорелись восторженные огоньки. — И билеты совсем копеечные, в пределах двух тысяч. А еще была до Бори на «бабках», оборжалась чуть не до обморока. Слушай, надо бы нам вместе куда-нибудь сходить. На следующей неделе Димочка Билан приезжает, билеты тысячи в три обойдутся. Как ты?

— Не могу, Ал, работы много, — отрицательно покачала головой Татьяна.

— Да ладно тебе, работа — не волк, в лес не убежит. Закрой свою лавочку пораньше или поставь кого вместо себя, да сбегает на концерт, потом в ресторанчик забуримся, вспомним молодость. Я, Тань, если мне куда надо — в салон или на массаж, быстренько кабинет на ключ, Томку, компаньонку мою, — за главную, и вперед с музыкой.

— Так ты все же работаешь? — иронично усмехнулась Татьяна.

— Так я ж говорю тебе, как белка в колесе, фирма у меня своя по продаже уличных и комнатных растений, муж подарил, как бывшему биологу. Ох, мне этот подарочек — одни убытки, кручусь, кручусь, а толку-то! Работники все — бездельники да воры, никакие штрафы не спасают, текучка ужасная. Менеджмент — тупой и ленивый. Клиент вялый и жадный, подавай ему подешевле да получше. В общем, одни убытки, скажу тебе, денег совсем нет. Хочу поменять бизнес. Этот продам и открою туристическую контору, хоть по заграницам помотаюсь. А то выезжаешь раза два-три в год на пару деньков. Да и что это за поездки, одна нервотрепка. Была недавно в Милане на распродаже, всю неделю пробежала по бутикам как ненормальная. Двадцать тысяч евро потратила, а что купила? Хотя там, конечно, намного дешевле, чем у нас, у нас вообще дерут бессовестно. Слушай, Танюха, надо бы и тебя в Милан свозить, приодеть, а то выглядишь ты как-то не очень. Так как, съездим?

— Алла, мне некогда, мне работать надо, —

намекнула Татьяна бывшей подруге на окончание разговора.

— Опять ты про работу, ну скучно же, ей-богу. Будто и поговорить нам больше не о чем, — не поняла ее Сорокина. — Я вот тут дома ремонтом занимаюсь, затеяла стены лепные, денег уйма ушла, будем как во дворце, закончим — покажу. Понравится — и тебе мастера посоветую.

— Ал, мне не до мастера, — Татьяна принялась демонстративно переключать колбасу на прилавке с места на место, — мне деньги зарабатывать надо.

— Ох уж эти деньги, — сразу погрузилась Алка, — вечно их не хватает. Не знаю, что и делать, еле концы с концами свожу, боюсь и до дому не доберусь, на бензин не хватит.

Татьяна тяжело посмотрела на Сорокину, потом выдвинула ящик кассового аппарата, достала из него пятьсот рублей и положила перед Алкой.

— На.

— Это что? — недоуменно заморгала ресницами толстуха.

— Деньги на бензин, — строго ответила Татьяна.

— Да ты что, Танюха, ты серьезно? — слегка побледнела Алка.

— Серьезней не бывает, — повернулась к ней боком Татьяна. — Сырым и убогим надо подавать.

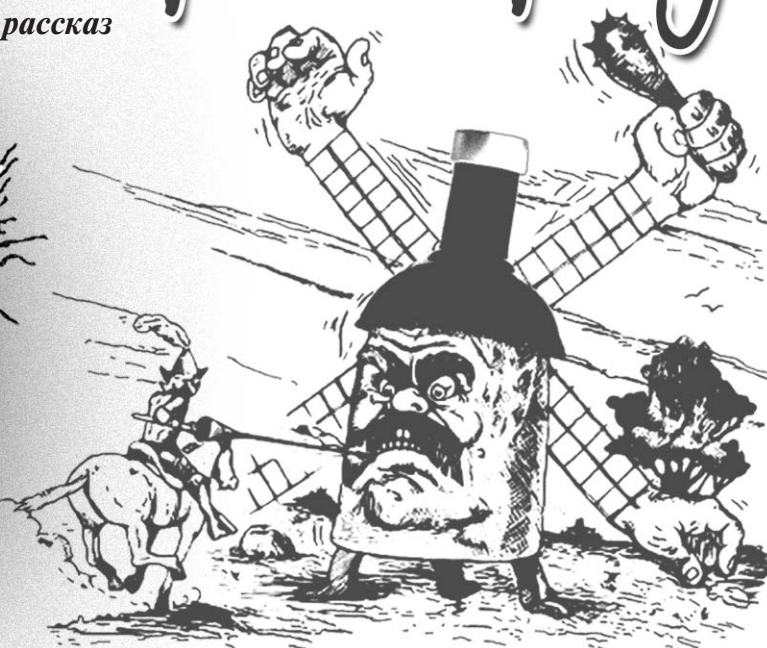
Бледность Алки тут же превратилась в пунцовость, и она, подхватив свои пакеты с покупками, молча поспешила от прилавка.

— Ну ты, Танюха, молодец, классно отбрила эту дамочку! — восхищенно одобрили Татьяну торговки.

Татьяна выслушала похвалы, взяла стул, поставила его к стене, села и горько зарыдала, впервые за многие годы.

Миротворец

рассказ

Утром колхозники по старой привычке собрались у конторы. Бабы визгливо бранились между собой, мужики, покуривая «Приму», пересмеивались, обсуждая государственные новости да вчерашние свои похождения.

— Костыль, а чё ты здесь делаешь? Ты ж вчерась уехать грозился.

— Куды это? — воровато улыбаясь, забежал глазами шуплый рыжий мужичок.

— Как — куды, сербам помогать, забыл, что ли? — притворно удивлялись мужики.

— Не помню такого.

— Не помнит он!.. Вчера вечером полдеревни взбаламутил, ходил, кричал, что, мол, поеду браткам православным подсоблю с Клинтонном разобраться.

— Не может быть, — скромно зарделся Костыль.

— «Не может быть»!.. — со смехом передразнили его. — А кто с себя одежду срывал да в грудь колотил, — мол, всех к едреной матери перестреляю, и Клинтонна, и Коля, и Ельцина, а сербов в обиду не дам, — мы, что ли?

— Да брешете вы всё, — отмахнулся Костыль. — Я вчера рано домой пришел.

— Шур, — окликнул Костылеву половину Васек, — твой говорит, что намедни домой без проблем добрался.

— Убила бы гада ползучего! — раздалось в ответ из бабьей кучи. — Алкаш недоделанный. Явился в одних трусах, еле на ногах держится да и орет: «Собирай меня, жена, в освободительную армию, повестку для меня из Кремля сегодня сообщили, что направляют меня на защиту Югославии! Так что собирай меня в путь-дорогу, закуски в мешок сложи, сальца там, лучку, огурчиков, хлебца и рублей сто на поездку давай. Еду я, жена, на войну, может, и не вернусь уж обратно, знать, судьба моя такая». Вот ведь какой Илья Муромец выискался!

Вокруг все грохнули хохотом.

— Ну а дальше? — подзуживали Шуру.

— А что дальше? Самой интересно стало, что дальше будет. Стою, молчу, а этот освободитель чокнутый распинается передо мной в одних трусах. Я, мол, не могу простить такой

наглости империалистам, ответу на весь их наглез со всей своей душевностью! Я им покажу русскую славу своих предков, напомним, как братья-славяне их колотили, всё НАТО вздрогнет... Чего зеньки свои вылупил? Пусть все знают, какой ты дурак, — под оглушительный смех набросилась на Костыля супружница. — Козел драный, вояка голозадая, пьянь придурочная!

— Замолчи, змеюка! — взвился Костыль. — Будет брехать-то, вот погоди уже, дома поговорим.

— Нет уж, пусть все слушают, — отвернулась от мужа озлившаяся бабенка. — Ну вот, дальше — больше, расхрабрился совсем, кричит — баба, где мое оружие? Какое? — спрашиваю. Промычал что-то невнятное, — видно, соображал, а потом и заявляет: топор, мол, возьму — буду в горах партизанить, и нож — на разведку ходить. Партизан за... Спрашиваю, а как партизанить-то будешь? Отвечает: соберу по югославским деревням всех мужиков-колхозников и уйдем, как Ковпак, в горы — эшелоны натовские подрывать и на их гарнизоны нападать, а там и наш десант с Лебедем подоспеет. Разгромим врага — и на Вашингтон, за Родину. Ну а дальше что? — интересуюсь. А дальше, заливает, Клинтона трибуналом судить будем, НАТО разгоним и Аляску назад себе заберем.

— Что ты брешешь, что брешешь? У, тварь, из ума совсем выжила! — побелел от злости Костыль.

Народ, хватаясь за бока, животы и прочие части своих тел, приседал, подпрыгивал и покачивался от безудержного смеха.

— Костыль, помолчи! Шур, продолжай, не бойся!

— Ну вот, значит, как войну закончим, говорит, вернемся с победой домой. Ты, значит, Шур, всех в деревне собери, столы накрой, самогону побольше навари, я речь толкать буду. Про что? — спрашиваю. Про войну и победу, про партизанов и трибунал, отвечает, про то, как дальше жить станем. Ну и как, спрашиваю, жить дальше после всего этого с тобой придется?

Вокруг Шуры раздавались стоны и всхлипы, у баб кончились силы для смеха, мужики, окружавшие Костыля, икали и хрюкали. У многих из глаз катились слезы.

— Шурка, богом заклинаю!.. — приказывал опозоренный Костыль. — Что вы верите этой

злойной дуре, не видите, что глумится она надо мной?! — заорал он на мужиков.

— Шурка, — давились слезами бабы, — про жизнь после победы расскажи, каково нам в ней будет!

— Ну вот, я, значит, мешок в дорогу ему готовлю, а он стоит посередь кухни в одних трусах, руками размахивает и будущее мне расписывает, как тот Кашпировский.

— Ой, Шурка, ой, немоготу уже! — взмолились бабы. — Ой, Костыль-предсказатель!

— Руками, значит, размахивает, дурак рыжий, мы, говорит, и тут порядок наведем, когда возвратимся. Сразу, мол, как прилетим, — десант на Кремль сбросим, всех заарестуем и разберемся, кто там у них в предателях числится, кто нашу страну империалистам продавал. Всех, кричит, в лагеря, на Колыму, в пожизненное заключение на хлеб и воду, а потом новую жизнь зачнем строить.

— Заткнись, убью! — рванулся Костыль к супруге, но тут же был перехвачен мужиками. — Всё равно убью! — дергался в их объятиях строитель новой жизни.

— Поди Клинтона убей, герой югославского народа! — огрызнулась Шурка. — Там тебя, поди, заждались, когда ты поезда под откос пускать начнешь...

— ...в горах! — грянули с новой силой мужики. — Давай, Шур, про счастливое будущее!

— Ну, я и говорю, запел, значит: Шур, колхозы восстановим, деньги вовремя платить начнем, всех чиновников в районе в дерьмочисты переведем, а нашу бухгалтерию — им в помощники. Зарплату положим для них рублей в десять, доллар отменим и всех спекулянтов землю пахать пошлем. А сами в ихние дворцы вселимся — и на Кипр, в море купаться, каждую неделю на выходные ездить будем.

— Ай да Костыль, ай да сукин сын! Небось дворец-то Березовского себе присмотрел, ни больше и ни меньше, а?

— Да идите вы... — слабо отбивался незадачливый партизан. — Нашли кого слушать.

— Продолжай, Шурка, — задергали бабы не на шутку разгорячившуюся жену героя.

— А чего продолжать, заканчивать пора! Я к этому времени мешок с продуктами ему собрала, протягиваю и говорю так жалостливо: «Вот, Ваня, харчи тебе на дорогу, паспорт там в тряпочку завернут.

Всё, Ваня, иди отсюда и без победы не возвращайся. Я тебя ждать буду».

— Ну а он что? — застонали бабы.

— А что? Уставился на меня как баран да как заорет: ты куда это, мол, меня гонишь? Я ему толковываю: как куда, в горы к сербам — эшелоны подрывать, сам же собирался. Да?.. — удивляется. Забыл, видать, начало разговора. Так, может, спрашивает, это до завтра отложить? Нет, отвечаю, раз собрался — иди. Да куда я на ночь глядя, кричит, и без одежды? Одежду, говорю, тебе в Югославии дадут, ты, мол, домой уже без одежды пришел, а ночью, продолжаю, добираться сподручней — никто тебя не заметит, когда через границы переходить станешь, да и сам говоришь: партизанить собрался, а партизаны только по ночам и орудут.

— Врет! — забился в бессильной ярости Костыль.

— Не вру, вот те крест, — перекрестилась Шурка. — Заныл, значит, как я, мол, без денег, дай хоть сотню. Не, говорю, русские деньги тебе там ни к чему, а долларов у меня отродясь не бывало. Ступай, говорю, Ваня, время не терпит, а то как не успеешь к сроку в горы прийти, до рассвета не управишься, импиристы перехватят, они ведь тоже не дураки, на разведку ходят, — закончила Шура.

— Не томи, рассказывай дальше, — загалдели воцруг.

— А всё.

— Как — всё?

— А так. Я ведь другой рукой уже скалку над головой занесла, он-то понял, что не шучу, и шмыгнул за двери. Я — дверь на крючок и спать. Вот сейчас только и встретились.

— Где ж ты, Костыль, был всю ночь? — повернулись к рыжему мужику сельчане. — К границе разведку делал, что ли?

— На сеновале спал, — уныло прохрипел Костыль. — Проснулся — ничего не помню, слез с сеновала, смотрю — одежда на заборе висит.

— Это я тебе вчера ее туда повесил, — засмеялся Васек, — когда ты ее по дороге разбрасывал.

— Не помню я ничего, — стыдливо оправдывался Костыль.

— Цирк с тобой, да и только, — похлопывая Костыля по плечам, успокаивались мужики. — То ты армян рвешься от землетрясения спасать, как напешься, то Белый дом защищать, то в Чечню воевать, а теперь вот в Югославию собрался. Клоун ты, Костыль.

— Так ведь душа у меня не на месте, — защищался сердобольный мужичок. — Как выпью, так всю эту несправедливость готов одним моментом изничтожить, а то ведь жить невозможно.

□

Дмитрий Павлович ВОРОНИН

родился в 1961 г. в Клайпеде (Литовская ССР).

Прозаик.

Автор трех сборников рассказов.

Участник многих альманахов и прозаических сборников.

Лауреат премии «Золотое перо Руси»

и ряда других международных конкурсов.

Член Союза писателей России и Конгресса литераторов Украины.

Живет в пос. Тишино Калининградской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

